

Расскажу я вам, друзья мои, о маленькой книге стихов, которая меня удивила. Неужели сейчас, в наше время, могут рождаться и покорять сердца людей *баны вещице*, когда на дворе время глубокого махрового материализма, гаджетов, авто и 5D-кино? Нет, не их сейчас время. Однако вот перед читателем открывается маленькая книжечка «Под небом Урала», где автор разворачивает перед нами, как карту, знакомые пейзажи края, города Екатеринбурга, сегодняшний день, пишет об истории нашей страны («На Заводской совсем пустынно...», «У портрета Николая второго», «Мостовая и трамваи...», «Что есть для нас Расея, Русь, Россия?..», «Идет бессмертный полк...», «Зима, зима недалеко...» и др.).

В стихах поэта звучат размышления о месте человека в жизни, его деяниях, строки восхищения трудовым и военным подвигом Урала и уральцев, которые освоили этот суровый край, ставший опорой России:

Он стал опорой всей державы,
Опорой и стеной...
Урал великий, Урал бравый,
Урал мастеровой!

<...>

Что есть для нас — Расея, Русь, Россия?!
Морей и рек великих караван.
Здесь горы — кладези и здесь вития
Не гнет пред барами свой стан!

Однако лирический герой Анны Барсовой может выйти за пределы обыденного, доступного:

*Меня не трогают поля,
Меня не трогают барханы¹.
Куда ведешь меня, земля,
в какие страны?!
В какие долы и пласты,
и где теперь найти дороги,
когда кругом одни кресты
и плачут боги?!*

«Слова, предлоги, приложенья» могут увести героя в *закалендарную* действительность, как в цветавской поэме «Автобус» дударь мчал «за календарь» (кстати, у А. Барсовой один из любимейших поэтов — М. И. Цветаева). Есть в фольклоре, в архаической культуре особый топос — другое пространство,

¹ Курсив мой. — М. Д.

иниомирная действительность. Так, русский герой волшебной сказки стремится пройти испытания трех царств, стремится добыть себе *вещую невесту*, и ковер-самолет, чудесная птица уже мчат его за пределы бытового.

Не только, конечно, в этом сказывается стремление к слиянию реального и метафизического. Сама метафорика заставляет читателя задуматься, порождает ассоциации, опять-таки идущие от мировой культурной и фольклорной традиции:

Комната вся в цветах,
люстры похожи на лодки.
В небе витает Бах,
дача в окне и две сотки.

Комната — не просто пространство, а особая *толика*, то есть соединение реальной и космической действительности. Ритуальная логика стиха вполне ясна — «люстра-лодка», будучи символом переходной обрядности, переключается с бокалом-[куполом] и сливается с реалиями сегодняшнего дня:

Ты решил отдохнуть?
Неинтересна картина!
Лучше уж упорхнуть
На Бали или в Медину!
Там ты так отдохнешь
с милой, которая рядом!
Небо в бокал нальешь
и поцелуешь усладу!

В бокале не вино, а небо! Это наводит на мысль об архаических представлениях о чаше, кубке как куполе неба — герой приобщается к *горнему*, владея таким предметом... Подобные образы дают возможность герою вырваться из повседневности.

Не только звуки Урала слышны на страницах сборника стихов, но и какой-то таинственный невыразимый *шепот-разговор* Арарата с лирической героиней:

Пусть *Арарата светлый лик*
в окно мое заглянет,
и мерный, и весомый стих
былую жизнь помянет.

Здесь библейская гора выступает не просто этнографической реалией, а неким вечным символом, мировой осью. Символ горы вступает в парадигматические отношения с самим Словом — «стих былую жизнь помянет». Логос рождается герою Арарата при видении наяву «светлого лика». На страницах второго раздела автор

книги также «беседует» с Арагви и Курой, причем здесь уже в разговорной, бытовой манере:

На трассе оставались корабли —
Бегущие фургоны, КраАЗы, фуры.
Арагви говорила: *«Не юли!*
Ползи наверх и все рисуй с натуры!
Ползи наверх к могучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарей на небе!»
Кура кричала: «Я свое воздам!
Придет жара — забудешь ты о хлебе!»

Космическая составляющая поэзии Барсовой тесно сплетается с реальными картинами природы в третьем разделе книги «Из Камской тетради»:

Озера, что звезды, горят на земле,
О чем-то мечтая в сиреновой мгле!
<...>
В глубине синеего леса
Тишина, покой и мошकारа,
Паутины тонкая завеса
Стелется, как нить из серебра.

Отражение звездного в земном говорит о традициях символизма в поэзии Барсовой (М. Лермонтова, предтечи русского символизма, и А. Блока), что, безусловно, хорошо. И хотя в наши дни немодно писать в традициях русской классики, да и время поэзии, кажется, вообще прошло или проходит, автор книги «Под небом Урала» постоянно возвращает нас к истокам бытия:

Выйду к речке я, замороженный,
Окунусь в небесную купель.
Заново природою рожденный,
Стану чист и светел, как апрель!

Важно и то, что А. Барсова умеет быть не только тонким лириком, но и смешной, заигрывающей с читателем, особенно это выражено в пятом разделе книги:

Сферы стали к солнцу ближе,
Небо стало горячеей.
И насвищет, и нанижет
Песню ветер-дуралей!
<...>
Будто в бездну, будто к черту,
не пойму, куда, зачем?!
Это — мёд! Нет лучше сорта,
он спасает от проблем!

Но, пожалуй, самое важное заключается в том, что поэт осознает *поэтову долю* и не изменяет ей:

...а мне матушка порою говорила,
что поэта Матерь Божья наградила:
пусть не длинною дорогою, а Душой,
еще —

большую
дырявою сумой!

Именно это звучит неким итогом поэтического сборника, но это не огорчает, а вызывает душу из

профанного, мещанского состояния и заставляет вновь трудиться, возвращаться, как «облачко», из стихов Барсовой уже обновленной после поэзии:

Облачко к седой горе прижалось,
на вершине вековой качалось,
кисеей ажурной обернулось,
в изумрудный край слезой вернулось!

Вот перед вами еще несколько стихотворных уральских самоцветов. Обновитесь и вы, уважаемые читатели!

Евгения КОКОРЕВА

Член Творческого союза художников России и Международной федерации художников при ЮНЕСКО.

Член Международного художественного фонда, Международной ассоциации писателей и публицистов (отд. «Золотая кисть России»).

